

Маклакова Е.А.
Воронеж, Россия

Maklakova E.A.
Voronezh, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ
И ТОНАЛЬНОСТЬ ОБЩЕНИЯ
КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ**

**POLITICAL CORRECTNESS
AND TONALITY OF COMMUNICATION
AS SEMANTIC FEATURES
OF PERSONS' NOMINATIONS**

(на материале контрастивных исследований
в русском и английском языках)

(on the basis of contrastive research
in Russian and English)

УДК 81'37:81'27

ГЧТИ 16.21.27

ББК Ш 100

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы описания семантики наименований лиц в ракурсе феномена политической корректности и с точки зрения тональности общения на материале контрастивных исследований в русском и английском языках. В статье обосновывается необходимость введения специальных словарных помет, которые желательно использовать в словарных дефинициях при описании семантической структуры упомянутых слов или словосочетаний в соответствующих изданиях и в процессе контрастивного анализа единиц данной лексики и их переводных соответствий в языке сопоставления.

Abstract. The study presents the problems of persons' nominations' semantic description from the perspective of political correctness and from the point of view of tonality of communication on the basis of contrastive research in Russian and English. The study gives proof of introduction requirements of special lexicographic labels, which are desirable to be used in lexicographic definitions when describing semantic structure of the abovementioned words and word combinations in the corresponding editions or in the process of contrastive analysis of the given language units and their translations in the language of comparison.

Ключевые слова: политическая корректность, тональность общения, наименования лиц, контрастивный анализ, функциональный макрокомпонент значения, лексикографическая помета.

Key words: political correctness, tonality of communication, persons' nominations, contrastive analysis, functional macro component of the meaning, lexicographical label.

Сведения об авторе: Маклакова Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

About the author: Maklakova Elena Albertovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Воронежская государственная лесотехническая академия.

Place of employment: Voronezh Forest Engineering Academy.

Контактная информация: e-mail: elena.maklakova5@mail.ru.

В последние десятилетия особое внимание в среде лингвистов и социологов уделяется вопросу так называемой *политической корректности*. Начавшись в США в процессе борьбы за права чернокожих и подхваченное впоследствии феминистками, это явление с каждым годом охватывает все новые и новые сферы общественной жизни и выходит далеко за пределы американской культуры.

общим знаменателем политического дискурса в демократическом обществе.

Под влиянием идей политкорректности английский язык, а также и другие языки мира, подвергаются серьезным изменениям. Не удивительно, что в настоящее время данный феномен находит как своих сторонников, так и противников, которые не упускают случая посмеяться над иногда доходящим до абсурда проявлением политической корректности в каком-либо высказывании.

В некоторой степени политическая корректность призвана стать инструментом профилактики «конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» [Базылев 2007: 8].

По мнению некоторых ученых [Иванова, Корти, Лобанова] политическая корректность предполагает регламентацию принципов толерантности на практике, предписывает строгое следование стандартам лингвистического поведения. При всем уважении к «богатому многообразию культур», «форм самовыражения» и «способов проявлений человеческой индивидуальности» [Декларация принципов толерантности 1995] политкорректность устанавливает общеобязательные нормы лингвистического поведения, таким образом, становясь

Следует отметить, что, хотя термин *политическая корректность* стал использоваться в русском языке относительно недавно, сама идея быть политически корректным или просто соблюдать языковой такт существует уже очень давно. Вернее будет сказать, что чувство языкового такта изначально свойственно природе русского языка и русской культуры. Появление же в русском языке все большего количества слов и выражений, которые принято относить к политкорректным, свидетельствует о раскрепощении языкового сознания, его готовности изменять устоявшиеся нормы.

Политическая корректность оказывает

наиболее осязаемое воздействие на лексический состав языка, в особенности на те слова и словосочетания, которые используются для обозначения наименований лиц. Лексика, как наиболее подвижный уровень языковой системы, мгновенно реагирует на происходящие в обществе перемены.

Основными распространителями политкорректности (*political correctness*), как в английском, так и в русском языковом сознании, являются СМИ. В теле- и радионовостях часто можно услышать, как вместо *бедные* говорят *простые люди* или *социально непривилегированные слои населения*, или *малообеспеченные слои населения*.

Когда-то общеупотребительное слово *бродяга* было заменено аббревиатурой *бомж*, теперь гораздо чаще ту же суть стали передавать с помощью развернутого определения *лицо без определенного места жительства* либо слова *бездомный*. Подобные субституции становятся неотъемлемой частью современного русского языка, что принято считать проявлением лексической политкорректности.

Возникает ситуация, схожая с той, что была в советское время. Тогда слова *механизатор* и *оператор машинного доения* входили в употребление вместо слов *тракторист* и *доярка*, вероятно, чтобы повысить престиж данных профессий. Видимо, политическая корректность, как и политически корректные термины могут эволюционировать в процессе исторического развития общества и присущей ему языковой картины мира. Это явление наиболее ярко проявляется в периоды экономических, социальных и других изменений в обществе: именно тогда появляется огромное количество неологизмов, большинство из которых со временем благополучно выходит из активного употребления.

Аналогичные проявления политкорректности наблюдаются и в английском языке: *bin man* (бомж, роющийся в помойках) именуется *refuse collector* (коллекционер или собиратель вещей, от которых отказались); *poor* (бедные люди) превращаются в *disadvantaged* (лишенных возможностей / преимуществ) или *economically disadvantaged* (экономически ущемленных) граждан; *unemployed* (безработные) в *unwaged* (не получающих зарплаты); *alcoholic* (алкоголика) именуется *substance abuse survivor* (злоупотребляющим алкоголем) либо *person of differing sobriety* (индивидуумом иной трезвости).

Как вполне убедительно доказывают многие авторы исследований на тему политической корректности, семантические неологизмы нередко возникают вследствие эвфемизации – стремления заменить грубые или прямые обозначения более мягкими. При этом жестокая и безобразная действительность облачается в лексику, не режущую слух, что тем самым сознательно смягчает реакцию слушателя / слу-

шательницы или читателя / читательницы и заставляет его / её относиться к самому явлению, по мнению апологетов политкорректности, с большей терпимостью.

Политкорректность, по утверждению С.Г. Тер-Минасовой, сводится к стремлению «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2000: 215].

Отечественные филологи неоднократно пытались ввести другие термины для обозначения сути явления политкорректности. Например, С.Г. Тер-Минасова предложила термин «языковой такт» [Тер-Минасова 2000: 215], а Т.В. Киселева использует термин «коммуникативная / культурная корректность» [Киселева 1998: 115]. Несмотря на то, что в русскоязычной среде эти термины были бы более понятны и обозначали бы именно то, что мы понимаем под политкорректностью, они все же не смогли «прижиться», поскольку термин *политическая корректность* уже довольно прочно вошел в употребление.

Совершенно обоснованно считается, что с точки зрения лингвистики, политически корректные высказывания сильно напоминают эвфемизмы, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 590].

Однако при этом следует сделать уточнение, что речь идет не об эвфемизмах вообще, а об их политически корректных проявлениях, которые отличаются от обычной человеческой вежливости. Если последняя связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, то «политически корректный эвфемизм – это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева 1998: 116].

Соответственно противоположным вариантом политической корректности будет считаться использование неполиткорректных выражений по отношению к различным группам граждан или *неполиткорректность*.

Неполиткорректность может быть осознанной или преднамеренной, что по своей сути будет представлять собой то, что принято понимать под антонимами эвфемизмов – дисфемизмами. Действительно, умышленное и осознанное употребление в речи неполиткорректных слов и выражений, очень похоже на использование дисфемизмов, представляющих собой «замену естественного в данном контек-

сте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [Ахманова 2007: 137], цель которой – оскорбить, унижить, стилистически окрасив сказанное, усилив его экспрессивность.

Неосознанной или непреднамеренной неполиткорректность будет считаться в том случае, когда говорящий проявляет лексическую некомпетентность в высказываниях о предмете обсуждения, демонстрируя тем самым, незнание общепринятых норм публичного выступления.

Тем не менее, существуют, серьезные отличия неполиткорректных форм наименований лиц от обычных дисфемизмов. Прежде всего, подобные наименования лиц, которые в публичных высказываниях и в прессе заменяют политически более корректными словосочетаниями, в словарных изданиях не описываются с помощью отрицательно коннотативных помет, равно как и не относятся к ненормативной лексике. Следовательно, говорить о вульгарных, грубых или фамильярных словах или выражениях не представляется правомерным и не соответствует истинному положению вещей.

Отметим также, что *крайнюю степень неполиткорректности* в лексике можно в определенной степени рассматривать в качестве *лексического табу*, когда употребление слова «запрещено вследствие мифологических верований, суеверий и предрассудков, а также по причине цензурных запретов, боязни грубых или неприличных выражений» [Ахманова 2007: 467].

При этом нужно учитывать, что *табу неполиткорректности* не тождественно по смыслу вероятностному признаку нормативности / ненормативности тех или иных единиц языка, согласно которому такие разряды лексики как грубая и нецензурная квалифицируются соответственно как неприличная и непристойная и исключаются моральным запретом общества из публичного употребления.

Несомненно, понятия *политкорректность* и *неполиткорректность* также лежат в морально-этической плоскости общественного сознания, в связи с этим классификация языковых единиц на *политкорректные* и *неполиткорректные* носит именно морально-этический характер, который, очевидно, должен основываться на их объективном лексико-семантическом анализе.

Для лингвистического исследования важен языковой аспект проблемы, позволяющий уточнить какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как *нерекомендуемой* / *рекомендуемой* или *недопустимой* / *допустимой* к общественному употреблению или *неполиткорректной* / *политкорректной*.

Вполне возможно предположить, что опре-

деленные языковые единицы из числа наименований лиц отличаются неким *функциональным семантическим признаком*, который выявляет их принадлежность к обособленной группировке данного корпуса, сформировавшейся под воздействием общественного мнения по принципу коммуникативной уместности / неуместности. Выделенную таким образом группировку следует относить к разряду неполиткорректных языковых единиц, что необходимо учитывать участникам общения, а в более широком смысле – в процессе межкультурной коммуникации.

При этом на наш взгляд, существует необходимость во ведении специальной словарной пометы, которую желательно использовать в словарных дефинициях при описании семантической структуры упомянутых слов или словосочетаний в соответствующих изданиях и в процессе контрастивного анализа единиц данной лексики и их переводных соответствий в языке сопоставления.

Учитывая, что именно публичное употребление лексических единиц данной группировки вызывает осуждение и нарекания в адрес говорящего со стороны общества, политкорректность / неполиткорректность можно рассматривать как семантический признак на уровне функционального макрокомпонента значения наименований лиц, который характеризует показание или противопоказание к их употреблению в коммуникативном общении по отношению к определенным группам граждан. Данный признак описывается специальными пометами, используемыми для обозначения лексики, имеющей различную степень коммуникативного показания или противопоказания для общественной речевой деятельности.

Словарные пометы об ограничении словоупотребления наименований лиц в связи с политкорректностью или неполиткорректностью встречаются в последнее время довольно часто в англоязычных изданиях толковых словарей, среди них отметим следующие:

– *now considered offensive* (считается оскорбительным в настоящее время).

– *Some people think that this word is offensive.* (Некоторые люди считают это слово оскорбительным).

– *Taboo. Do not use this word.* (Табу. Не употребляйте данное слово).

Принимая во внимание подобный опыт в лексикографическом описании наименований лиц, следует ввести пометы, которые характеризуют как нежелательность или недопустимость публичного употребления исследуемых языковых единиц: *допустимо* / *табу*, так и пометы, которые демонстрируют их градуальное противопоставление, характеризующееся различной степенью проявления рассматриваемого функционального признака в их семантике, сформулировав их следующим образом:

политкорректное,

*неполиткорректное,
табу политкорректности.*

Принято выделять словообразовательный, лексический и синтаксический уровни политкорректности. На синтаксическом уровне речь идет о правилах построения целых фраз и предложений, которые иногда в результате совершенно теряют свой первоначальный смысл, так как из них абсолютно невозможно понять, о ком идет речь: о мужчине или женщине, белом или черном. В данном исследовании мы будем обращаться к примерам первого и второго уровней.

Как показывает анализ наименований лиц, в семантической структуре которых выявляется исследуемый признак, основными тематическими группами, в состав которых входят подобные языковые единицы, являются следующие:

- наименования лиц по национальному / расовому признаку,
- наименования лиц по территориальной принадлежности,
- наименования лиц по гендерному признаку,
- наименования лиц по сексуальной ориентации,
- наименования лиц по возрастному признаку,
- наименования лиц по материальному / социальному положению,
- наименования лиц по семейному положению,
- наименования лиц по физическим особенностям.

Создание политически корректного языка объясняется непрекращающейся борьбой за равные права определенных категорий граждан, которая в значительной мере определяет социальную жизнь в последние десятилетия, и желанием исключить возможность любых видов дискриминации людей в современном обществе.

Как известно, в рамках борьбы с дискриминацией разрабатываются программы расширения прав, предоставления льгот определенным расовым, национальным, сексуальным и другим социальным меньшинствам. Существуют курсы специальной подготовки, разрабатываются рекомендации, в том числе и лексического плана, для руководителей всех рангов и администраторов с учетом того, что в состав руководимых ими коллективов входят представители различных социумов.

Самым распространенным видом дискриминации считается расовая дискриминация. В связи с этим, под влиянием движения за политкорректность в английском языке произошли некоторые изменения, которые следует учитывать при контрастивном сопоставлении наименований лиц, объединенных в тематический разряд исследуемого корпуса лек-

сики по признаку национальной / расовой принадлежности.

С учетом введения в употребление новой пометы семантическое описание функционального макрокомпонента у членов контрастивных пар, включающих в свой состав наименования лиц исходного языка и их переводные соответствия в английском языке, увеличивается на дополнительный микрокомпонент – сему «*политическая корректность*» и принимает следующий вид:

<i>негр-1 – African-American / Aframerican</i>	
межстилевое	межстилевое
общенародное	общенародное
современное	современное
общераспространенное	американское
употребительное	употребительное
политкорректное	политкорректное
<i>негр-1 – Afro-Caribbean</i>	
межстилевое	межстилевое
общенародное	общенародное
современное	современное
общераспространенное	британское
употребительное	употребительное
политкорректное	политкорректное
<i>негр-1 – Black</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	неполиткорректное
<i>негр-1 – Negro</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	табу
<i>негр-1 – darkie</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	табу

Поскольку пометы о недопустимости или нежелательности публичного употребления некоторых лексических единиц часто встречаются в современных англоязычных изданиях, то данное дополнение о том, что данное слово или словосочетание коммуникативно противопоставлены или наоборот разрешены к употреблению и не оскорбляют чувства и достоинство людей, можно расценивать как совершенно обоснованное. В противном случае, игнорирование информации на эту тему при выявлении семантических признаков на уровне функционального макрокомпонента значения может привести к неправильному семантическому описанию наименований лиц, неверному тол-

кованию слов и ошибочному словоупотреблению, что в конечном итоге осложнит непониманием процесс межкультурного общения представителей двух языковых сообществ.

Действительно, использование подобной пометы позволяет осуществить контрастивный анализ русских наименований лиц и их английских переводных соответствий более достоверно и конкретизировать функциональные особенности семантики языковых единиц в соответствии с учетом современных тенденций в развитии двух языковых картин мира на предмет выявления национально-специфических различий между ними (различающиеся функциональные признаки выделены жирным шрифтом):

мулат политкорректное – *mixed race* политкорректное;

мулат **политкорректное** – *mulatto* **неполиткорректное**;

мулат **политкорректное** – *coloured* **табу**;

индеец политкорректное – *American Indian/Native American/American* политкорректное;

индеец **политкорректное** – *Indian* **неполиткорректное**;

индеец **политкорректное** – *Red Indian/Masaca* **табу**.

Как показывают результаты контрастивного анализа членов контрастивных пар, образованных наименованиями лиц по территориальной принадлежности, описание функционального признака с использованием данной стилистической пометы для значительного количества данных языковых единиц будет иметь вид: политкорректное – политкорректное. Например, лексические единицы *абхазец* – *Abkhazian*, *австралиец* – *Australian*, *горец* – *mountain-dweller*, *европеец* – *European*, *житель* – *citizen / dweller / resident / inhabitant*, *земляк* семема-1 – *fellow-countryman / compatriot* – относятся к нейтрально политкорректной лексике, и соответствующая помета при описании их семантики может показаться незначительной или малоинформативной, так как для контрастивного анализа, направленного на выявление семантических различий в контрастивных парах, подобный функциональный признак будет относиться к разряду семантических соответствий.

Однако следует заметить, что зачастую бывает довольно трудно определить заранее, будут ли переводные соответствия русских наименований лиц отвечать требованиям политкорректности, принятой в англоязычных странах, или нет. Следовательно, в семантическое описание контрастивных пар наименований лиц, относящихся к перечисленным выше тематическим разрядам, необходимо включать данную стилистическую помету, ибо без выявления обозначаемого ею признака, семантическое описание, на наш взгляд, будет неполным и не вполне соответствующим требованиям времени:

абориген политкорректное – *indigenous in-*

habitant / person политкорректное;

абориген **политкорректное** – *native* **неполиткорректное**;

иностранец политкорректное – *alien / newscotter* политкорректное;

иностранец **политкорректное** – *foreigner* **неполиткорректное**.

Тем не менее, с учетом вероятностного характера данного семантического признака, его можно фиксировать в описании не всех языковых единиц исследуемого корпуса, а только принадлежащих к упомянутым тематическим разрядам наименований лиц или к ограниченной группировке наименований лиц, к которым в соответствии с современной политически корректной формой высказывания предъявляются подобные требования.

Поскольку данный семантический признак относительно недавно стал предметом изучения и обсуждения, а сам феномен политкорректности претерпевает изменения эволюционного характера, то вполне возможно, что потребуется определенное время для того, чтобы сформировалось более четкое представление о том, что и в какой степени считать стилистически уместным или неуместным в публичном общении. В настоящее время даже в рядах защитников политкорректности не всегда наблюдается единодушие и последовательность в отношении употребления политкорректной терминологии. Например, мнения о неполиткорректности или политкорректности для следующих наименований представителей населения Азии оказались диаметрально противоположными в Америке и в Европе: *азият*

ср. *Asian* (**американское, политкорректное**), но (**британское, неполиткорректное**)

ср. *Oriental* (**американское, неполиткорректное**), но (**британское политкорректное**).

Или к примеру, наименование лица *Chicano* (американец мексиканского происхождения / мексиканец, живущий в США) по данным словаря «American Heritage Dictionary of the English Language» в некоторых юго-западных регионах США считается положительной характеристикой, отражающей этнорасовую самобытность, однако в других частях страны относится к **неполиткорректной** лексике с презрительной коннотацией и сопровождается в лексикографическом издании рекомендацией именовать представителей данной группы населения *Mexican-American* как **политкорректное**.

Другой вид дискриминации и борьба с ней, которые отражаются в языковом сознании англоязычных представителей мирового населения, – это дискриминация по гендерному признаку или так называемый сексизм. Активная роль женщин в последнее время приводит к пересмотру многих политических и экономических программ, к уделению особого внимания женским проблемам. Влияние, оказанное на английский язык борьбой женщин за уравнение

прав, не ограничивается лишь новыми словами и словосочетаниями. Возникла даже феминистская лингвистика, которая была реакцией женщин на андроцентричность языка. Целью указанных неологизмов было привлечь внимание к монополии мужских взглядов в обществе, иногда даже путем нарушения лингвистических законов (*herstory, herstorian*).

Для создания инклюзивных слов возник нейтральный словообразовательный элемент *-person*, который входит в состав слов, содержащих в своей семантической структуре автономный признак «пол», указывающий на то, что обозначенные лица имеют признаки пола, но не уточняющий, каково конкретное содержание этих признаков. Феминистское движение обусловило широкое использование в сложных словах элемента *-person* вместо элемента *-man* в значении человек:

председательствующая персона – *chairman* **неполиткорректное** – *chairperson* **политкорректное**,

член конгресса – *congressman* **неполиткорректное** – *congressperson* **политкорректное**,

делегат – *spokesman* **неполиткорректное** – *spokesperson* **политкорректное**.

Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных слов в английский язык вошли новые слова и словосочетания:

оператор – *cameraman* **неполиткорректное** – *camera operator* **политкорректное**,

начальник – *foreman* **неполиткорректное** – *supervisor* **политкорректное**,

пожарный – *fireman* **неполиткорректное** – *fire fighter* **политкорректное**,

почтальон – *postman* **неполиткорректное** – *mail carrier* **политкорректное**,

директриса – *headmistress* **неполиткорректное** – *headteacher* **политкорректное**,

полицейский – *policeman* **неполиткорректное** – *police officer* **политкорректное**.

Сначала такие единицы казались искусственными для многих людей, которые привыкли к словам с элементом *-man* и никогда не думали, что эти слова обозначают только мужчин. Позднее феминистский взгляд на язык стал более допустимым и элемент *-person* употребляется как нейтральный по отношению к полу формант.

«Сексистские» морфемы, указывающие на гендерную принадлежность человека, вытесняются из языка вместе со словами, в которые они имели неосторожность войти. Взамен появляются новые наименования лиц, определяющие человека безотносительно к полу. Составляются специальные словарные издания с рекомендуемой для публичного употребления гендерно-нейтральной лексикой типа: *атлет* **политкорректное** вместо *спортсмен* (*sportsman*) **неполиткорректное**, *менеджер* **политкорректное** вместо *бизнесмен* (*businessman*)

неполиткорректное, – которую настоятельно советуют использовать общественным и политическим деятелям, а также административным работникам всех уровней.

Надо признать, что «феминистские движения одержали крупные победы на разных уровнях языка и практически во всех вариантах английского языка» [Тер-Минасова 2000: 218]. Так, появилось обращение *Ms.* **политкорректное** по аналогии с *Mr.* Оно не дискриминирует женщину, поскольку не определяет ее как замужнюю (*Mrs.*) или незамужнюю (*Miss*).

В современной политически корректной лексике, вполне обоснованно, широкое распространение получают выражения, которые используют для обозначения наименований лиц, отличающихся какими-либо физическими особенностями. Например, не рекомендуется обращаться к ним как к *инвалидам*, вместо этого желательно использовать политкорректное выражение *люди, преодолевающие трудности из-за своего физического состояния* (*physically challenged*). Вероятно, в этом есть свой резон, потому что подобная замена косвенно может повлиять на умонастроение окружающих и будет каким-либо образом способствовать решению стоящих перед обществом проблем подобного характера, в частности, и по отношению к *умственно отсталым детям* (*retarded children*), которых следует называть следующим образом: *дети, испытывающие трудности при обучении* (*children with learning difficulties*).

В приводимых ниже примерах представлены разные группы социально ущемленных людей, которых англоязычное общество старается уберечь от неприятных ощущений и обид, наносимых языком:

инвалид – *invalid* (инвалид), *handicapped* (имеющий физические недостатки), *disabled* (поврежденный) – **неполиткорректное**; *differently-abled* (обладающий другими способностями), *physically challenged* (человек, испытывающий трудности из-за своего физического состояния) – **политкорректное**;

глухой – *deaf* – **неполиткорректное**; *aurally inconvenienced* (с затрудненным слуховым восприятием) – **политкорректное**;

калека – *cripple* (калека), *physically handicapped* (страдающий каким-либо физическим недостатком) – **неполиткорректное**; *differently abled* (с ограниченными возможностями), *physically different* (физически отличающийся) – **политкорректное**;

толстые / полные люди – *fat people* (толстые / полные люди) – **неполиткорректное**; *big-boned* (ширококостные), *differently sized* (другого размера), *horizontally challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за горизонтальных пропорций) – **политкорректное**;

люди низкого роста – *short people* (люди

низкого роста) – **неполиткорректное**; *vertically challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за вертикальных пропорций) – **политкорректное**;

лысый – *bold* (лысый) – **неполиткорректное**; *hair-disadvantaged* (не имеющий волос) – **политкорректное**;

неуклюжий – *clumsy* (неуклюжий) – **неполиткорректное**; *uniquely coordinated* (со специфической координацией) – **политкорректное**.

В связи со значительным увеличением количества пожилых людей в развитых странах появилось понятие «поседения» населения (*greying британское, graying американское*), а с ним вошло в употребление слово *grey/gray* и его производные в специфических значениях *gray-hair/grey-hair* (*пожилой человек, пенсионер*) – **политкорректное**, которые обозначают пожилого человека без конкретизации его возраста. К подобной политкорректной лексике также можно отнести слово *O-word* – **политкорректное**, возникшее для обозначения той же возрастной категории граждан по аналогии эвфемистическим словом *F-word*, в котором аббревиатура обозначает известное нецензурное слово английского языка. Популярным в последнее время стало также образование *senior citizens* (старшие граждане) – **политкорректное** вместо *old age pensioners* (пожилые пенсионеры) – **неполиткорректное**.

В последнее время, в связи с новым этапом сексуальной революции, связанным с борьбой сексуальных меньшинств за свои права, современные языки пополняются лексикой и фразеологией, которая была ограничена лишь миром гомосексуальных людей, считалась их специфическим жаргоном и была табу для литературного языка. Такие лексико-фразеологические единицы в межстилевой лексике воспринимаются как новые: *гей* (ранее – жаргонизм, в настоящее время – политкорректное наименование *гомосексуалиста*, которое в последнее время рассматривается как аббревиатура *gay = good as you* – такой же, как и ты), *outer* – человек, который не скрывает своей гомосексуальности.

В борьбу за свои права вступили *бисексуалы* (**разговорное** от *бисексуальный bisexual*) – лицо, мужской или женский пол, испытывает половое влечение к лицам своего и противоположного пола. Также не остались в стороне представители межсексуальных групп:

транссексуал (**разговорное** от *транссексуалист transsexual*) – лицо, мужской или женский пол, страдает психическим отклонением, выражающимся в физическом и душевном ощущении себя человеком другого пола; *трансвестит* (*transvestite*) – лицо, особенно мужской пол, носит одежду другого пола. Лица, принадлежащие к перечисленным выше меньшинствам, открыто демонстрируют свою принадлежность к таким социальным группам,

публично именуя себя подобным образом, поэтому принято считать, что данная лексика не оскорбляет представителей сексуальных сообществ и относится к разряду политкорректной.

В добавление хотелось бы заметить, что по большому счету, корни лингвистической политкорректности вовсе не такие уж «политические», как может показаться с первого взгляда. В подавляющем большинстве случаев корректность английского языка вызвана коммерческими мотивами. В центре внимания оказываются человек, рассматриваемый как потенциальный клиент, которого надо привлечь всеми возможными способами, побудить сделать то, что нужно компании или организации.

Такого рода корректность проникнута коммерческой заботой о человеке как составляющем элементе маркетинговой системы. В этом вопросе англоязычные создатели корректных наименований лиц достигли высокого мастерства. Так пассажиры разных видов транспорта делятся на: *first class* (первый класс), что престижно и возвышает человека в собственных и чужих глазах, а также *business class / club class* (бизнес-класс) – тоже избранных, но рангом чуть ниже, у которых и билеты, соответственно, дешевле.

Все остальные, конечно, не второй класс. Второго класса вообще не существует: клиенту не нравится принадлежать ко второму классу или сорту. Поэтому эти пассажиры относятся к *economy class* (экономичный класс). Ведь быть экономным не зазорно, а даже похвально. У пассажиров железнодорожного класса имеется в этом случае другое наименование – *standard class* (стандартный класс), что также не обижает и не унижает, стандартно – это как у всех.

Помимо положительного экономического эффекта следование канонам политкорректности качественным образом отражается и на воспитательном процессе в учебных заведениях, когда в школах заменяют таблички с надписями, запрещающими бегать и кричать (*No Running and No Shouting*) на рекомендации типа *Please Walk and Please Speak Quietly* (пожалуйста, ходите спокойно и разговаривайте тихо).

Конечно, при анализе языкового материала на данную тему встречаются примеры, которые кроме как курьёзными или нелепыми назвать нельзя, потому что некоторые, казалось бы, простые слова заменены настолько сложными выражениями, что порой иногда бывает трудно понять собеседника. Иногда сторонники политкорректности в своем неуёмном стремлении защитить и не обидеть чувства объекта наименования создают лексические творения, не всегда понятные окружающим, например:

animal trainer (дрессировщик зверей) **непо-**

литкорректное – *interspecies communicator* (коммуникатор между разными видами существ) **политкорректное**;

dead (мертвый) **неполиткорректное** – *terminally inconvenienced* (претерпевший заключительный дискомфорт);

metabolically different (наделенный иным метаболизмом) **политкорректное**.

Трудно объяснить, почему человека, совершившего террористический акт не следует называть *terroristom* (*terrorist*) **неполиткорректное**, а для обозначения данной категории лиц рекомендуется употреблять более щадящие наименования типа *bomber* – бомбометатель, *attacker* – нападающий, атакующий, *insurgent* – повстанец, *militant* – радикал, боец, борец, активист **политкорректное**.

Существуют даже следующие перлы политкорректности: *субъект гибкого расселения* (бродяга), *меланиново недоукомплектованный* (для людей белой расы), *сегрегированный от общества* (арестованный), которые вызывают недоумение и сомнение в необходимости замен подобного рода.

Совершенно беспочвенны также и такие, порой встречающиеся запреты, как:

– не желательно заказывать *black coffee* (черный кофе) – лучше сделайте заказ на *coffee without milk* (кофе без молока);

– не упоминайте название *thick Irish sausages* (толстые ирландские сосиски), потому что это может обидеть чувства представителей населения Ирландии, указывая на некоторый физический недостаток, хотя при этом всем понятно, что слово *thick* относится к *sausages*.

Остается сделать вывод, что политкорректно использовать далеко не все новые термины в их конкретном значении, более того, следует задействовать при этом здравый смысл. Наверно, нет необходимости именовать какого-либо политического деятеля *лицом, преодолевающим трудности из-за вертикальных пропорций и находящимся в стадии волосной регрессии*. Применяя на практике принцип политкорректности, важно помнить о главном и фундаментальном принципе – гуманности и цивилизованности, и не допускать в своем речевом обиходе высказываний, способных уязвить других людей.

В противном случае, проблема механического использования правил политкорректности может стать новым препятствием на пути эффективной межкультурной коммуникации в демократических странах и фактически свести на нет все усилия по борьбе со всякого рода дискриминацией. При этом, очевидно, что подобные негативные общественные проявления будут иметь свое продолжение, но уже в политкорректной форме.

Таким образом, рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в современном обществе объективно существует явление по-

литической корректности, что, несомненно, находит свое отражение в языковой картине мира каждого народа, причастного к подобному проявлению общественного сознания. Выявленные в исследуемой лексике наименования лиц, различающиеся функциональным признаком, характеризующим наличие политической корректности, равно как и её отсутствие, т.е. неполиткорректности, вызывают заслуженный интерес ученых-лингвистов как любое явление, связанное этнокультурными языковыми особенностями народов мира.

Можно с уверенностью констатировать, что на современном этапе развития английского и русского языков сформировался новый функциональный семантический признак – *политкорректность словоупотребления*, а также функциональный признак – *допустимость публичного употребления* лексических или фразеологических единиц, которые должны находить отражение в лексикографическом описании слов при контрастивном исследовании.

На наш взгляд, целесообразно ввести особые стилистические пометы для признака политкорректности: политкорректное / неполиткорректное / табу политкорректности, которые могут не использоваться в практике описания как регулярные.

Подводя итог вышесказанному, следует добавить, что лингвистическая политкорректность – обширнейшая и любопытнейшая языковая тема, обойти вниманием которую вряд ли представляется возможным при контрастивном сопоставлении наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке. На наш взгляд, такого рода пренебрежение к современным тенденциям в развитии английского языка может негативно отразиться на качестве результатов контрастивного анализа семантики наименований лиц в двух сопоставляемых языках.

Аналогичного внимания, на наш взгляд, заслуживает еще одна проблема, связанная с описанием функционального макрокомпонента значения наименований лиц.

Поскольку считается, что «установление говорящим своего отношения к действительности выражается в языковых знаках любой протяженности и устройства» [Степанов 1973: 342], то можно рассматривать лексические и фразеологические единицы как элементы некоторого коммуникативно-ориентированного речевого комплекса с позиции их прагматического потенциала.

С учетом данного подхода, при выявлении общих закономерностей и специфических особенностей функционирования языковых единиц в процессе межличностной коммуникации, определенный интерес представляет проблема, связанная с возможностью отражения такого отношения говорящего к объекту наименования в семантике номинативной языковой единицы. К примеру, в толковых словарях

русского языка можно обнаружить следующие пометы, которые в определенной степени дают указания на нормативное использование языковых единиц в зависимости от ситуации общения или статуса коммуникантов:

маэстро – почтительное; *мудрец* (2зн.) – почтительное; *старец* – почтительное; *метр* – уважительное; *сударыня* – вежливое, учтивое; *голуба* – ласково-фамильярное; *матушка* (1зн.) – ласково-почтительное; *братан* (1зн.) – фамильярно-ласкательное; *голубчик* – ласково-фамильярное; *старина* (5зн.) – фамильярное, дружеское; *дорогуша* – фамильярное; *милочка* – фамильярное; *дядька* – фамильярное; *батенька* (2зн.) – фамильярное; *старушенция* – фамильярно-шутливое; *луженая глотка* – фамильярное; *барабанная шкура* – фамильярное бранное; *хамово племя/отродье* – бранное; *рвань* – бранно; *пьянь* – обычно бранно; *сукин / собачий / чертов / курицын сын* – бранное; *ханжа двуликая* – бранное; *мымра* – бранное; *чёртова перечница* – бранно; *медный лоб* – бранное; *шантрапа* – грубо; *старый сыч* – бранное; *старый хрыч* – бранно.

Делая основной акцент на нормативные аспекты выбора языковых единиц с точки зрения оптимизации достижения стоящих перед коммуникантами прагматических целей, нельзя не отметить, что речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, не могут быть объяснены в чисто «поведенческих» терминах; в действительности они представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил», «культурных сценариев», несоблюдение которых вызывает «эмоциональный дискомфорт» [Вежицкая 2001: 159].

Следовательно, обитая в определенном социуме, нельзя не считаться с «системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной *тональности* соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [ЛЭС 1990: 413].

В связи с этим, определенно можно говорить о наличии ряда единиц языка, которые, помимо всего прочего, предназначены для оказания воздействия на собеседника. Такое воздействие бывает связано со стремлением говорящего продемонстрировать доброжелательное или недоброжелательное отношение к слушающему, уважение или неуважение к его личности, и тем самым поддержать или прервать межличностное общение.

Выбор подобных единиц языка может быть обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить культурно-исторические особенности народа-носителя языка в целом,

принадлежность личности к определенной социальной группе, личные качества характера человека.

Поскольку «есть ситуации, в которых все должны вести себя предельно прямолинейно, и ситуации, в которых все избегают прямолинейности (табуируемые темы общения)» [Карасик 2007: 80], то существует и так называемый «регистр общения – система и закономерности отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации» [Швейцер 1988: 245]. Выбор стратегий определяется «тремя основными факторами:

1. Социальная дистанция между говорящим и слушающим (D – distance);
2. Относительная власть между говорящим и слушающим (P – power);
3. Абсолютные ранги импозиций в определенной культуре (R – rankings)» [Robinson 1972: 74].

Принимая во внимание сказанное выше, можно заключить, что помимо уже существующего и прошедшего положительную апробацию в ряде контрастных исследований подхода к структурированию функционального макрокомпонента на стилистический, социальный, темпоральный, территориальный и частотный микрокомпоненты значения, возникает потребность введения и употребления в практике компонентного анализа семантики слов и словосочетаний новой пометы, отражающей *тональность общения*.

В лингвистической литературе понятие *тональность общения*, в основном, рассматривается в функциональной сфере коммуникации. Например, А.А. Ричардс выделял «четыре аспекта, называемые им функциями, в интерпретации содержания речи: 1) смысл, 2) чувство, (т.е. установка по отношению к тому, о чем говорится), 3) *тон (установка по отношению к слушающему)* и 4) намерения говорящего» [Richards 1948: 182].

В выводах Н.М. Фирсовой и О.С. Ческовой находим, что «формы общения (ФО) детерминированы рядом конкретных функций, основными из которых можно считать следующие: привлечение внимания адресата (апеллятивная), контакто-устанавливающая (фатическая), социально-регулирующая, этикетная / неэтикетная ориентация на адресата (конативная), стилистическая... В соответствии со стилистической функцией ФО указывают на *тональность общения*» [Фирсова 1987: 8].

В.И. Карасик выделяет «коммуникативную *тональность*» и понимает этот термин как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 80].

Тональность общения в качестве терминологической единицы не всегда принималась учеными-лингвистами к употреблению, тем не

менее, в ряде работ наблюдается разграничение, например: между «2) моральной дисциплиной и оценочностью (суждение, оценка, порицание)» и «6) эмоциями – позитивные и негативные, 7) эмоциональными отношениями: приветствия, лесть, враждебность и т.п., 8) безличностными отношениями – вежливости и статуса: степень формальности / неформальности» [Wilkins 1973: 85].

Это ни в коей мере не противоречит положению аспектного подхода к описанию семной структуры языковых единиц, поскольку, например, оценочность может быть описана, как с помощью денотативных, так и коннотативных сем, с фиксацией признака «неодобрение» и «одобрение», позитивные или отрицательные эмоции – с помощью коннотативных эмоциональных сем «шутливое», «презрительное», «ласкательное», «положительно-/отрицательно-эмоциональное» и др., функциональные стилистические семы передают заключенные в семантике данных единиц стилистические особенности их функционирования в речи: «высокое», «официально-деловое», «разговорное» и т.д.

Однако пометы «вежливое», «почтительное», «оскорбительное» и др. в русском языке или английские «*a respected way of talking to or about someone*» (почтительное), «*not polite*» (невежливое), «*a very offensive word*» (очень оскорбительное), «*used in a friendly way to someone*» (дружеское), «*an insulting way of talking to or about someone*» (оскорбительное), которые встречаются в словарном толковании определенной группы наименований лиц, следует отнести, на наш взгляд, к характеристике *тональности общения*.

Учитывая вышеизложенные точки зрения на *тональность общения*, нельзя не согласиться с мнением, что это явление представляет собой «многогранный социокультурный феномен, определяющий основные параметры общения представителей какого-либо общества в статусно- и ситуативно-обусловленных контекстах» [Аристова 2007: 4].

Что касается регистрации признака «*тональность общения*» в структуре семантики наименований лиц, то она основывается, в первую очередь, на анализе словарных дефиниций. В связи с этим, следует признать, что поскольку компонентный анализ не является обязательным условием для составления словарной статьи толкового словаря, то и указания на функциональные семантические признаки, входящие в структуру значения той или иной языковой единицы, приводятся в лексикографических изданиях такого типа не в полном объеме и непоследовательно. Например:

голубушка фамильярное иногда с оттенком ласки – *darling* помета отсутствует;

балбес разговорное бранное – *twit* разговорное оскорбительное;

выродок разговорное неодобрительное

бранное – *bastard* очень оскорбительное табу не используйте это слово;

прохвост разговорное / просторечное бранное – *fink* сленговое;

неженка разговорное – *sissy* разговорное невежливое;

подхалим помета отсутствует – *brownie* фамильярное / *dolly dancer* фамильярное / *Ack Charlie* бранное грубое фамильярное;

дрянь бранное – *shit(ass)* невежливое;

нахалюга грубое просторечное – *smart ass* американское разговорное невежливое;

– *smart arse* британское разговорное невежливое;

коммуняка грубое просторечное – *commie* разговорное оскорбительное.

деревня пренебрежительное – *hillbilly* оскорбительное;

ведьма бранно – *witch* оскорбительное;

сброд презрительное – *riff-raff* оскорбительное;

менты разговорно-сниженное – *the fuzz* разговорное оскорбительное;

лентяй помета отсутствует – *lazybones* дружеское;

вахлак бранно – *yobbo* сленговое.

Анализ подобных словарных помет ставит перед изучающими данный язык в качестве иностранного больше вопросов, чем ответов, а именно: можно ли считать бранное слово или словосочетание оскорбительным, а грубое – невежливым, допустимо ли их употребление как единиц разговорной лексики?

Некоторые авторы при описании тональности общения выделяют «следующие регистры общения: возвышенный (максимально-официальный), высокий (официальный), нейтральный (обиходно-разговорный), фамильярно-бытовой, низкий (вульгарно-грубый)» [Фирсова 1987: 10]. На наш взгляд, подобные пометы более уместны для описания стиля, в котором употребляется слово или словосочетание. Принимая за основу классификацию функционально-стилистических сем на «книжное», «межстилевое», «разговорное», «сниженное», отметим, что данные пометы указывают на то, в каком типе общения, в каком виде речи данное слово или словосочетание преимущественно употребляется.

Следует также отметить, что «бранная и нецензурная лексика образуют в совокупности пласт грубой ненормативной лексики, которая с морально-этической точки зрения квалифицируется как неприличная, а выражение мысли при помощи неприличных языковых единиц создает неприличную языковую форму выражения мысли» [Стернин 2008: 107].

Кроме того, что важно для нашего исследования, «нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, но это не сни-

мает запрета на её публичное употребление» [Стернин 2008: 236].

Например, слова *чума, язва, идол, погань, морда* и т.п. могут служить, как для обозначения лиц, обладающих крайне негативными характеристиками, так и утрачивать свою идентифицирующую функцию и использоваться в качестве бранных слов, усиливающих экспрессивность высказывания. А при употреблении слов *обормот, пакостник, поганец, плут, шалопай, пройда, негодник* и т.п. по отношению к лицам детского возраста, в структуре семантики их производных семем проявляется энантиосемический эффект, что выражается в смене отрицательной коннотации на положительную коннотативную оценку и эмоцию в зависимости от коммуникативной ситуации:

басурман

(-) в зн.: иной веры – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

(+) в зн.: чрезмерно шаловливый ребенок – коннотативная оценка: одобрительное, шутовское;

барбос

(-) в зн.: грубый – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

(+) в зн.: крупный, плотный, обычно большоголовый ребенок – коннотативная оценка: одобрительное, шутовское;

подлец

(-) в зн.: подлый, низкий, бесчестный – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное; употребляется бранно;

(+) в зн.: о любимом, обычно близком, дорогом человеке – коннотативная оценка: одобрительное, фамильярное;

Анализ вышеприведенных эмоциональных лексем показывает, что все они употребляются в случаях эмоционального возбуждения человека: когда он либо сердится, злится, радуется, удивляется чему-то, либо его охватывает какое-либо иное эмоциональное чувство.

При этом эмоциональность говорящего может характеризоваться разной степенью искренности выражаемых чувств, т.е. соотношением подлинных и предьявляемых чувств. Когда говорящий скрывает свои чувства, сдерживает себя в эмоциональном отношении, то предьявляемые чувства могут не соответствовать подлинным; эмоции могут быть показными, неискренними и тогда, когда говорящий демонстрирует их в пользу вынужденного поведения.

Такое выражение эмоциональности может быть обусловлено характером межличностных отношений между участниками коммуникации и особенностями самого общения. Уважительное отношение к собеседнику способствует выражению по отношению к нему добрых чувств, антипатия к собеседнику порождает противоположные чувства. Характер общения

может диктовать необходимость сдерживания или, наоборот, показа чувств. Иными словами, естественная рефлексия говорящего может совпадать или не совпадать с речевым актом и выражаться в совпадении или расхождении предьявленного и подлинного чувства. Человек может в пользу вынужденного поведения в разговоре с неприятным ему собеседником и приветствовать его, и называть его как положено, но это будет показное чувство, не соответствующее подлинному.

Принимая во внимание возможность стратегического или двупланового общения, тем более следует выявлять и фиксировать в семантике языковых единиц, в нашем случае, служащих для обозначения наименования лиц, семантический признак «*тональность общения*». На наш взгляд, данный признак отражает личностное отношение говорящего к объекту наименования в ситуативных или статусно обусловленных контекстах и выражается в использовании им в процессе общения языковых единиц (в том числе и общепринятых форм обращения и упоминания) с модальной окраской, с целью оказания эмоционально-волевого воздействия на слушающего.

Целесообразно отнести признак «*тональность общения*» к функциональным признакам в семантике наименований лиц и использовать следующие виды сем при его описании: *почтительное, вежливое, фамильярное, дружеское, тонально-нейтральное, невежливое, оскорбительное, тонально-недопустимое*.

Отметим также, что данный признак может проявляться в семантике наименований лиц чаще всего как *тонально-нейтральный*, следовательно, его описание может носить нерегулярный характер, что позволяет отнести вышеуказанные семы к типу вероятностных.

Контрастивный анализ семантики русской языковой единицы и её английских переводных соответствий с учетом национально-специфических особенностей их семных структур будет выглядеть следующим образом (словарные статьи приведены в сокращенном виде, жирным шрифтом отмечены несовпадающие семы):

пьяница – an old soak

пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	разговорное
неодобрительное	неоценочное
неэмоциональное	шутовское / пренебрежительное
общераспространенное	британское
тонально-нейтральное	часто фамильярно-дружеское

пьяница – piss artist

пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	отрицательно-эмоциональное

общераспространенное тонально-нейтральное	британское оскорбительное
	<i>пьяница – pisshead</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	отрицательно- эмоциональное
общераспространенное тонально-нейтральное	британское тонально-недо- пустимое
	<i>пьяница – plonko</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
0	дешевое и пло- хого качества
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	презрительное
общераспространенное тонально-нейтральное	британское оскорбительное
	<i>пьянь – piss artist</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
просторечное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
отрицательно-эмоцио- нальное	отрицательно- эмоциональное
общераспространенное обычно оскорбительное	британское оскорбительное

Отражение в лексикографическом описании лексических и фразеологических единиц нового функционального семантического признака – *тональность общения*, выявленного при контрастивном исследовании, способствует более качественному анализу семантики языковых единиц и, как следствие этого – фиксации национально-специфических сходств и различий, свойственных наименованиям лиц в двух лингвокультурах.

В заключение добавим, что в национальной картине мира посредством языка фиксируются и номинируются концепты, образующие концептосферу того или иного народа, причем только те, которые обладают коммуникативной значимостью для представителей данной этнокультуры. Концепты «политкорректность» и «тональность общения» обсуждаются в различных странах и приобретают все более выраженный языковой характер. Поскольку в лингвистике сложилась традиция изучения отражения специфики национального мировидения в языке, которая, в частности, касается исследования семантики слов и словосочетаний, то вполне актуальной, на наш взгляд, является потребность рассматривать лингвистическое воплощение подобной специфики в словарных материалах, что и представлено в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Аристова Н.С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественной литературы XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. фил. наук – Н.Новгород, 2007. 15с.

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Изд. 4-е, стереот.] – М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Базылев В.Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). 2007. С. 8-12.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов – М., 2001. 288 с.

Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>.

Иванова О. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3. URL: <http://www.eavest.ru/archive/2002/ivanova.html>.

Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.5. – Волгоград, 2007. С. 78-86.

Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира [Материалы международной научной конференции, 7-10 октября 1997 г.] – Казань: Казанский государственный университет, 1998. Т. 1. С. 115. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm.

Корти М. Столкновение культур и политическая корректность. // Независимая газета, 24.03.2003. URL: http://www.ng.ru/courier/2003-03-24/14_islam.html.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 590с.

Лобанова Л.П. Осторожно: Политкорректность! // Глагол. 2004. № 9. URL: <http://www.glagol-online.ru/arc/n9/Politkor>.

Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) // ИАНСЛЯ 1973. Т.32. Вып.4. С.340-355.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные аспекты языкознания [Науч. ред. З.Д. Попова]. – Воронеж: Истоки, 2008. 596 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 215с.

Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. Обращение в современном испанском языке: монография. – М. 1987. 203с.

Richards I.A. Practical criticism: A study of literary judgment – 6th impression – L.: Routledge & Kegan Paul, 1948. 282 p.

Robinson W. Language and social behaviour – Harmondsworth (Middlesex): Penguin, 1972. 149 p.

Wilkins D. An investigation into linguistic and situational content of the common core in a unit-credit system. – Strassbourg: Council of Europe, 1973. 257 p.

© Маклакова Е.А., 2010